

Глава 1

В ТЕАТРЕ

У людей короткая память. Сейчас уже кажется, что убийство Джорджа Альфреда Сент-Винсент Марша, четвертого барона Эджвера, столь ужаснувшее и взволновавшее общество, произошло давным-давно. Его сменили новые сенсации.

Имя моего друга Эркюля Пуаро никогда не упоминалось публично в связи с этим делом. Должен сказать, что такова была его воля. Он предпочел остаться в тени. Лавры пожинали другие, и это его вполне устраивало. Более того, сам Пуаро был почему-то совершенно убежден в том, что дело это раскрыл не он. Мой друг и сегодня утверждает, что на путь истинный его направила случайно услышанная им фраза, которую произнес на улице какой-то прохожий.

Тем не менее разгадкой тайны мы обязаны гению Эркюля Пуаро. Если бы не он, вряд ли истинный убийца был бы найден.

Именно поэтому я считаю, что пришло время черным по белому изложить все, что мне известно. Я досконально знаю все детали дела, а кроме того, меня — не стану скрывать — просила рассказать о нем одна прелестная дама.

Я часто вспоминаю тот день, когда мы собрались в безупречно убранной гостиной Пуаро и мой маленький друг, меряя шагами одну и ту же полоску на ковре, наповал сразил нас неопровержимыми доказательствами. Как и Пуаро, я начну свое повествование с театрального представления, которое видел в Лондоне в июне прошлого года.

Весь город был тогда без ума от Карлотты Адамс. Годом раньше она дала несколько выступлений, которые принесли ей огромный успех. Теперь же у нее был трех-

8 недельный ангажемент, и мы присутствовали на предпоследнем выступлении.

Карлотта Адамс, уроженка Америки, обладала изумительным талантом разыгрывать смешные сценки, не пользуясь косметикой, не прибегая к помощи партнеров и без декораций. Она с одинаковой легкостью говорила на любом языке (или заставляла вас так думать). Скетч «Вечер в заграничном отеле» был уморительным. На сцене один за другим появлялись американские туристы, немецкие туристы, английские семьи среднего достатка, дамы сомнительной репутации, обнищавшие русские аристократы, томные и учтивые официанты.

Грустные скетчи сменялись веселыми, и наоборот. На чешку, умирающую в больнице, невозможно было смотреть без комка в горле. Минутой позже вы до слез хохотали над тем, как зубной врач манипулирует над своей жертвой, дружески с ней беседуя.

Заканчивалась программа номером, который Карлотта Адамс назвала «Имитации».

В нем снова проявился ее недюжинный ум. Черты ее лица, совершенно лишенного косметики, как бы растворялись, и перед зрителями вдруг возникало лицо известного политика, или знаменитой актрисы, или светской красавицы. Каждый ее персонаж произносил небольшой монолог, и эти монологи были составлены чрезвычайно тонко. Они подчеркивали все слабости избранных ею людей.

Одной из последних она имитировала Сильвию Уилкинсон — талантливую молодую американскую актрису, хорошо известную в Лондоне. Номер был продуман замечательно. Банальности, слетавшие с ее уст, наполнялись удивительно мощным чувством, и вам помимо вашей воли начинало казаться, что каждое сказанное ею слово обладает глубоким смыслом. Ее голос, изысканно смодулированный, с хрипловатой трещинкой, завораживал. Сдержанные жесты, исполненные непередаваемой значительности, фигура, как бы колеблемая невидимым ветром, и даже полное ощущение редкой физической красоты — как ей это удавалось, я понять не могу!

Я всегда был поклонником несравненной Сильвии Уилкинсон и восторгался ее драматическими ролями, а

тем, кто считал, что она красавица, но не актриса, я возражал, что у нее прекрасные сценические способности.

Было немного жутковато слышать этот знакомый, с мрачными провалами голос, который так часто волновал меня, видеть, как медленно сжимаются и разжимаются пальцы ее руки, как разлетаются волосы, когда она откидывала назад голову, — этим жестом она всегда заканчивала эмоционально насыщенную сцену.

Сильвия Уилкинсон была одной из тех актрис, которые, выходя замуж, оставляют сцену для того только, чтобы через несколько лет вернуться назад.

Тремя годами раньше она вышла замуж за богатого, но странного лорда Эджвера. По слухам, она оставила его вскоре после свадьбы. Как бы то ни было, через полтора года она уже снималась в Америке, а в этом сезоне появилась в Лондоне, в пьесе, имевшей большой успех.

Наблюдая за умно построенным, хотя и достаточно едким представлением Карлотты Адамс, я вдруг задумался над тем, как к нему относятся люди, которых она имитирует. Льстит ли им такого рода слава — и реклама? Или их раздражает демонстрация самого сокровенного, что у них есть, — профессиональных приемов? Ведь Карлотта Адамс ставила себя в положение фокусника, который говорит о трюках соперника: «Ну, это давно устарело. И делается очень просто. Хотите, покажу?»

Я решил, что если бы объектом такой пародии был я, то она не доставила бы мне никакого удовольствия. Конечно, я бы скрыл раздражение, но был бы очень недоволен. Надо обладать поистине безграничной широтой взглядов и неистощимым чувством юмора, чтобы веселиться, глядя на столь безжалостное разоблачение.

Едва я успел прийти к такому выводу, как изумительный, хрипловатый смех, звучащий со сцены, эхом отозвался позади меня.

Я резко повернулся. Прямо за мной, подавшись вперед, сидела леди Эджвер, больше известная как Сильвия Уилкинсон — предмет происходившего на сцене.

Мне сразу же стало ясно, что я ошибся в своих выводах. В ее глазах сияло выражение удовольствия и восторга, прелестные губы дрожали от смеха.

Когда «имитация» закончилась, она громко зааплодировала, повернувшись к своему спутнику, высокому и

10 красивому, как греческий бог, чье лицо было мне знакомо больше по экрану, чем по сцене. Это был Брайан Мартин, самый популярный в то время киноактер, снимавшийся с Сильвией Уилкинсон в нескольких фильмах.

— По-моему, потрясающе! — сказала леди Эджвер.

Он рассмеялся.

— Сильвия, ты и впрямь в восторге.

— Но ведь она просто молодец! И намного лучше, чем я думала!

Шутливого ответа Брайана Мартина я не расслышал. Карлотта Адамс перешла к следующей имитации.

А то, что случилось позднее, я всегда буду считать очень интересным совпадением.

После театра Пуаро и я отправились ужинать в «Савой».

Неподалеку от нашего столика сидели леди Эджвер, Брайан Мартин и двое незнакомых мне людей. Я указал на них Пуаро, и в этот момент к пустовавшему соседнему столику подошла и заняла свои места еще одна пара. Лицо женщины было мне знакомо, но, как ни странно, я несколько мгновений не мог сообразить, кто она.

И вдруг я понял, что это Карлотта Адамс! Мужчины я не знал. Он был хорошо одет, с жизнерадостным, но каким-то бесцветным лицом. Я таких недолюбиваю.

Карлотта Адамс была одета в очень простое черное платье. Ее лицо было незапоминающимся — одним из тех подвижных, живых лиц, которые почти все время кого-то изображают. Оно легко принимало чужие черты, но своих, узнаваемых, у него не было.

Я поделился своими наблюдениями с Пуаро. Он внимательно выслушал меня и, склонив к плечу свою яйцевидную голову, цепким взглядом охватил два столика, к которым я привлек его внимание.

— Стало быть, это и есть леди Эджвер? Да-да, припоминаю, я видел ее на сцене. Она *belle femme*.

— И хорошая актриса.

— Возможно.

— Вы в этом не уверены?

— Видите ли, мой друг, все зависит от обстоятельств. Если она играет главную роль в пьесе и все действие вращается вокруг нее, тогда она играет хорошо. Но я со-

мневаюсь, что она может сыграть как надо маленькую роль или даже то, что называют характерной ролью. Пьеса должна быть написана **о ней** и **для нее**. Мне кажется, что она принадлежит к тем женщинам, которых интересуют только они сами. — Он помолчал и неожиданно добавил: — Таких людей всю жизнь караулит несчастье.

— Несчастье? — удивленно переспросил я.

— Кажется, я удивил вас, друг мой. Да, несчастье. Потому что такая женщина видит только одно — себя. Она не замечает горя и бед, которые ее окружают, тех противоборствующих идей и поступков, которые составляют жизнь. Нет, они видят только свою дорогу. Поэтому рано или поздно их постигает несчастье.

Мне стало интересно. Честно говоря, я бы до такого вряд ли додумался.

— Ну а другая? — спросил я.

— Мисс Адамс?

Пуаро перевел взгляд на ее столик.

— А что бы вы хотели о ней услышать? — улыбаясь, спросил он.

— Только то, что вы о ней думаете.

— А разве я сегодня вечером играю роль прорицательницы, которая гадает по ладони и рассказывает, кто есть кто?

— Но у вас это получается лучше, чем у кого-либо другого, — возразил я.

— Как мило, что вы верите в меня, Гастингс. Я тронут. Но разве вам неизвестно, что каждый из нас — загадка, клубок противоположных страстей, желаний и склонностей. *Mais oui, c'est vrai.* Мы делаем свои маленькие выводы и в девяти случаях из десяти оказываемся не правы.

— Только не Эркюль Пуаро, — сказал я, улыбаясь.

— Даже Эркюль Пуаро! О, я отлично знаю, что вы всегда считали меня тщеславным, но уверяю вас, я человек скромный.

Я рассмеялся:

— Вы — скромный!

— Совершенно верно. Правда, должен сознаться, что своими усами я действительно немного горжусь. Ничего подобного им я в Лондоне не видал.

12 — В этом отношении, — сухо отозвался я, — вы можете быть совершенно спокойны. Вторых таких нет. Итак, вы не рискуете вынести суждение о Карлотте Адамс?

— Elle est artiste, — просто ответил Пуаро. — Этим все сказано, не так ли?

— Однако вы не считаете, что ее подстерегает опасность?

— Она нас всех подстерегает, — сурово сказал Пуаро. — Несчастье всегда терпеливо ждет своего часа. А что касается вашего вопроса, то скорее всего мисс Адамс ждет удача. Вы, конечно, заметили, что она еврейка?

Я этого не заметил, но теперь, после слов Пуаро, я увидел, что в ее лице действительно есть что-то семитское. Пуаро кивнул.

— Значит, она удачлива. Хотя следует сказать, что есть такая дорога, на которой и ее может постигнуть несчастье — мы ведь говорим о несчастье.

— Что вы имеете в виду?

— Любовь к деньгам. Таких, как она, любовь к деньгам может лишит благоразумия и осторожности.

— Такое может случиться с каждым, — сказал я.

— Вы правы, но вы или я, во всяком случае, помнили бы об опасности. Мы бы взвешивали «за» и «против». А если человек слишком любит деньги, то все остальное остается как бы в тени.

Его серьезность рассмешила меня.

— Королева цыганок Эсмеральда сегодня в хорошей форме, — поддразнил я его.

— Психология людей очень интересна, — спокойно продолжал Пуаро, — невозможно интересоваться преступлениями, не интересуясь психологией. Профессии она занимает не сам акт убийства, а то, что лежит за ним. Вы меня понимаете, Гастингс?

Я заверил его, что понимаю.

— Я замечал, Гастингс, что, когда мы работаем над каким-нибудь делом вместе, вы всегда побуждаете меня к физическим действиям. Вам хочется, чтобы я измерял отпечатки подошв, разглядывал сигаретный пепел и ползал бы по полу в поисках доказательств. Мне никак не удастся убедить вас, что если удобно устроиться в

кресле и закрыть глаза, то решить любую проблему становится гораздо легче.

— Только не мне, — сказал я. — Когда я удобно устраиваюсь в кресле и закрываю глаза, со мной всякий раз происходит одно и то же.

— Знаю, — кивнул Пуаро, — это странно! В такие минуты мозг должен работать с особой четкостью, а никак не спать. Умственная деятельность — это так интересно, так стимулирует! Функционирование маленьких серых клеточек доставляет интеллектуальное наслаждение. Они, и только они, выводят нас из тумана к правде...

Честно говоря, я всегда переключая свое внимание на что-нибудь другое, как только Пуаро упоминает о маленьких серых клеточках. Я столько раз о них слышал!

На сей раз мое внимание было направлено на четырех сидевших неподалеку людей, и когда я почувствовал, что монолог Пуаро приближается к концу, то заметил с усмешкой:

— Вы неотразимы, Пуаро. Прелестная леди Эджвер не в силах оторвать от вас взгляда.

— Должно быть, кто-то объяснил ей, кто я такой, — ответил Пуаро, безуспешно напуская на себя скромный вид.

— Скорее это ваши знаменитые усы, — сказал я, — она потрясена их красотой.

Пуаро нежно коснулся усов рукой.

— Да, они уникальны, — констатировал он. — Ах, мой друг, цитирую вас — «зубная щетка», которую носите вы, — какой это ужас — какое варварство — какое насилие над природой! Ступите на верный путь, пока не поздно, умоляю вас!»

— Смотрите-ка, — воскликнул я, пропуская возгласы Пуаро мимо ушей, — она встает! Кажется, она собирается подойти к нам. Брайан Мартин старается ее удержать, но она его не слушает.

И действительно, Сильвия Уилкинсон, поднявшись со своего места, решительно направилась к нашему столу. Пуаро встал и поклонился. Я тоже встал.

— Мсье Эркюль Пуаро? — раздался мягкий, хрипловатый голос.

— К вашим услугам.

14 — Мсье Пуаро, я хотела бы с вами поговорить. Мне нужно с вами поговорить.

— Прошу вас, мадам, садитесь.

— Нет-нет, только не здесь. Я хочу поговорить с вами конфиденциально. Мы сейчас поднимемся в мой номер.

— Подожди, Сильвия, — возразил очутившийся рядом с ней Брайан Мартин. Он принужденно рассмеялся. — Мы ведь ужинаем. И мсье Пуаро тоже.

Но Сильвию Уилкинсон не так-то легко было сбить с намеченного пути.

— Ну и что? — недоуменно спросила она. — Пусть ужин отнесут ко мне наверх. Пожалуйста, Брайан, позаботься об этом. Да, и еще...

Она сделала несколько шагов вслед за мистером Мартином, который отправился выполнять ее поручение, и стала с жаром что-то ему говорить. По тому, как он хмурился и качал головой, мне казалось, что он не хочет с ней соглашаться, но она усилила натиск, и в конце концов он, пожав плечами, уступил.

В продолжение этого разговора она несколько раз взглянула в сторону, где сидела Карлотта Адамс, и я подумал, что, может быть, сказанное ею имеет отношение к мисс Адамс.

Добившись своего, Сильвия с сияющим видом вернулась к нам.

— Пойдемте, — сказала она, одарив ослепительной улыбкой нас обоих.

То, что у нас могли быть другие планы, ей просто не пришло в голову. Она безмятежно направилась к выходу.

— Как удачно я вас здесь встретила, мсье Пуаро, — сказала она, подходя к лифту. — Я как раз сидела и думала, что мне делать, и вдруг увидела вас, совсем близко! Тут я и подумала: «Вот кто подскажет мне, что делать».

Она повернулась к лифтеру и бросила:

— Третий.

— Если я могу вам помочь... — начал Пуаро.

— Конечно, можете! Мне говорили, что вы самый замечательный человек на свете. Кто-то ведь должен вывести меня из тупика, в котором я очутилась, и я чувствую, что это сделаете вы.

Мы вышли на третьем этаже, проследовали за ней по коридору, и Сильвия Уилкинсон распахнула дверь одного из самых роскошных номеров «Савоя».

Бросив белую меховую накидку на стул и крошечную вечернюю сумочку на стол, она опустилась на другой стул и воскликнула:

— Мсье Пуаро, я должна любым путем отделаться от своего мужа!

Глава 2

ЗА УЖИНОМ

Пуаро остолбенел, но быстро пришел в себя.

— Мадам, — сказал он, и глаза его блеснули, — «отделаться от мужа» я вам помочь не могу. Это не моя специальность.

— Конечно-конечно, я знаю.

— Вам нужен адвокат.

— А вот тут вы ошибаетесь. С адвокатами я уже намучилась. И с честными и с жуликами — ни от кого из них толку нет. Они только и знают, что твердят о законах, а чутья у них никакого.

— Вы убеждены в том, что у меня оно есть?

Она засмеялась.

— Мне о вас говорили, мсье Пуаро, что вы на сто метров под землей видите.

— Comment?¹ На сто метров? Не понимаю.

— Ну, в общем, вы — то, что мне надо.

— Мадам, плохо ли, хорошо ли работает мой мозг... Хотя отбросим притворство — он всегда работает хорошо, однако ваше дело не мой жанр.

— Не понимаю почему. Я должна решить проблему!

— Ах проблему!

— Да, и трудную, — продолжала Сильвия Уилкинсон. — По-моему, вы не из тех, кто боится трудностей.

— Вы очень проникательны, мадам. Но тем не менее

¹Как? (фр.).

16 за сбор материала для развода я не возьмусь. Это неприятно — *се métier-la*¹.

— Дорогой мой, я не прошу вас за кем-то следить. Это бесполезно. Но я должна, должна от него отделаться, и я уверена, что вы сможете подсказать мне, как это сделать.

Несколько мгновений Пуаро медлил с ответом. Когда же он заговорил, в его голосе зазвучали новые ноты:

— Прежде всего скажите мне, мадам, почему вам так необходимо «отделаться» от лорда Эджвера?

Ответ последовал без промедления:

— Ну разумеется, потому что я хочу снова выйти замуж. Какая еще может быть причина?

Ее большие синие глаза взирали на нас простодушно и бесхитростно.

— Почему же вы не разведетесь с ним?

— Вы не знаете моего мужа, мсье Пуаро. Он... он... — она поежилась, — не знаю, как и объяснить. Он странный человек — не такой, как другие.

Немного помолчав, она продолжила:

— Ему вообще нельзя было жениться — ни на ком. Я знаю, о чем говорю. Мне трудно описать его, но он — странный. Знаете, первая жена от него сбежала. Оставила трехмесячного ребенка. Он отказался дать ей развод, и она умерла в бедности где-то за границей. Потом он женился на мне. Но я... меня надолго не хватило. Я его боялась. Поэтому и уехала от него в Штаты. У меня нет оснований для развода, а если бы даже и были, он бы и бровью не повел. Он... он какой-то одержимый.

— Но в Америке есть штаты, где вас бы развели.

— Есть, но такой вариант мне не подходит — я ведь собираюсь жить в Англии.

— В Англии?

— Да.

— А кто тот человек, за которого вы хотите выйти замуж?

— В этом-то все и дело. Герцог Мертонский.

Я едва не вскрикнул. Перед герцогом Мертонским

¹Такое ремесло (*фр.*).

капитулировало несчетное количество мамаш с дочерьми на выданье. Этот молодой человек монашеских наклонностей, ярый католик, по слухам, находился всецело под влиянием своей матери, грозной вдовствующей герцогини. Жизнь он вел самую аскетичную, собирал китайский фарфор и, как говорили, отличался утонченным вкусом. Все были уверены, что женщины его не интересуют.

— Я просто с ума схожу по нему, — проворковала Сильвия. — Он такой необыкновенный, а Мертонский замок такой восхитительный! Наш роман — самый романтический из всех, какие можно себе представить. И он ужасно красивый — как мечтательный монах.

Она сделала паузу.

— Когда я выйду замуж, то брошу сцену. Она мне будет не нужна.

— А пока что, — сухо сказал Пуаро, — лорд Эджвер преграждает вам путь к осуществлению этой романтической мечты.

— Да, и меня это очень беспокоит. — Она откинулась на спинку стула и задумчиво произнесла: — Конечно, если бы мы были в Чикаго, мне стоило бы только пальцем шевельнуть — и он бы исчез, но у вас здесь, по-моему, нанимать кого-то для таких поручений не принято.

— У нас здесь принято считать, — ответил, улыбаясь, Пуаро, — что каждый человек имеет право на жизнь...

— Ну, не знаю. Мне кажется, вы отлично обошлись бы без кое-каких ваших политических деятелей, и лорд Эджвер — поверьте мне — тоже не стал бы большой потерей, скорее наоборот.

В дверь постучали, и официант внес ужин. Сильвия Уилкинсон снова обратилась к нам, не обращая на него ни малейшего внимания:

— Но я не прошу вас убивать его, мсье Пуаро.

— Мерси, мадам.

— Я думала, может быть, вы поговорите с ним — как-нибудь особенно. Сможете убедить его, чтобы он дал мне развод. Я уверена, у вас это получится.

— Боюсь, мадам, вы переоцениваете силу моего воздействия.

— Но **что-нибудь** вы можете придумать, мсье Пуаро!

18 Она наклонилась к нему, и ее синие глаза вновь широко распахнулись.

— Вы ведь хотите, чтобы я была счастлива?

Ее голос был мягким, едва слышным и непередаваемо соблазнительным.

— Я хочу, чтобы все были счастливы, — осторожно ответил Пуаро.

— Да, но я не имею в виду всех. Я имею в виду только себя.

— Иначе вы не можете, мадам. — Он улыбнулся.

— Вы считаете меня эгоисткой?

— Я этого не говорил, мадам.

— Но, наверное, вы правы. Понимаете, я просто не могу быть несчастной! Когда мне плохо, это даже отражается на моей игре. А я буду несчастной, пока он не согласится на развод — или не умрет. На самом деле, — задумчиво продолжала она, — было бы лучше, если бы он умер. Тогда я бы чувствовала себя по-настоящему свободной.

Она взглянула на Пуаро, ожидая поддержки.

— Вы поможете мне, мсье Пуаро, правда? — Она встала, подхватив меховую накидку, и еще раз просительно взглянула на него. В коридоре раздались звуки голосов. Дверь распахнулась. — А если вы откажетесь... — сказала она.

— Что тогда, мадам?

Она рассмеялась.

— Тогда мне придется вызвать такси, поехать и пристукнуть его самой.

Смеясь, она скрылась в соседней комнате, а в номер вошли Брайан Мартин не с кем иной, как с Карлоттой Адамс, ее спутником и той парой, которая ужинала в ресторане с ним и Сильвией Уилкинсон. Их представили нам как мистера и миссис Уилдберн.

— Добрый вечер, — произнес Брайан. — А где Сильвия? Я хочу сообщить ей, что мне удалось выполнить ее просьбу.

В дверях спальни, держа в руке тюбик помады, показала Сильвия.

— Ты ее привел? Чудесно! Мисс Адамс, я в полном восторге от вашего представления! Мы должны, должны

познакомиться! Идемте, посидите со мной, пока я буду делать лицо. Не хочу выглядеть такой уродиной.

Карлотта Адамс последовала за ней. Брайан Мартин уселся на стул.

— Итак, мсье Пуаро, — сказал он, — вы тоже попались? Наша Сильвия уже убедила вас, что вы должны отстаивать ее интересы? Соглашайтесь поскорее. Она не понимает слова «нет».

— Возможно, ей его никто не говорил.

— Сильвия очень интересный персонаж, — продолжал Брайан Мартин. Он устроился на стуле поудобнее и лениво пустил сигаретный дым к потолку. — Для нее не существует никаких табу. Нравственность для нее — пустой звук. При этом она вовсе не безнравственна в узком смысле слова, нет! Она безнравственна широко. Для нее в жизни существует только одно — то, чего хочет Сильвия.

Он рассмеялся.

— Мне кажется, она и убить может — вполне жизне-радостно, и чрезвычайно обидится потом, когда ее поймают и захотят повесить. А поймают ее непременно: она феноменально глупа. Убить для нее — значит приехать на такси, сказать, кто она, и застрелить.

— Интересно, почему вы мне это рассказываете? — тихо осведомился Пуаро.

— Что?

— Вы хорошо знаете ее, мсье?

— Знал.

Он снова засмеялся, и мне показалось, что ему не слишком весело.

— Вы согласны со мной? — повернулся он к остальным.

— О, Сильвия действительно эгоистка, — согласилась миссис Уилдберн, — но актриса такой и должна быть. Если она хочет сохранить себя как личность.

Пуаро молчал, не отрывая глаз от лица Брайана Мартина, и в его взгляде была странная, не вполне понятная мне задумчивость.

В этот момент в комнату вплыла Сильвия, а за ней показалась Карлотта Адамс. Вероятно, Сильвия «сделала себе лицо» (что за странное выражение), каким хотела,

20 но я мог поклясться, что оно оставалось точно таким же, и лучше его «сделать» было никак невозможно.

Ужинали мы весело, хотя мне порой казалось, что в воздухе носится нечто, не поддающееся моему пониманию.

Сильвия Уилкинсон не относилась к числу тонких натур. Она была молодой женщиной, которая не способна испытывать двух чувств одновременно. Ей захотелось поговорить с Пуаро, и она сделала это без промедления. Теперь она пребывала в прекрасном расположении духа. Я был уверен, что Карлотту Адамс она пригласила к себе под влиянием момента, как ребенок, которого насмешил человек, удачно его копирующий.

Из этого следовало, что «нечто в воздухе» не имело отношения к Сильвии Уилкинсон. «К кому же»? — задавал я себе вопрос.

Я по очереди взгляделся в гостей. Брайан Мартин? Он, безусловно, вел себя неестественно, но на то он и кинозвезда, сказал себе я. Напыщенный и тщеславный человек, слишком привыкший к позе, чтобы легко с ней расстаться.

А вот Карлотта Адамс вела себя абсолютно естественно — тихая девушка с приятным, ровным голосом. Теперь, когда мне представился случай, я внимательно рассмотрел ее вблизи. Мне показалось, что ей присуще своеобразное обаяние — обаяние незаметности. Оно заключалось в отсутствии каких бы то ни было резких или раздражающих нот. Она мягко сливалась со своим окружением. Внешность у нее тоже была незаметной. Пушистые темные волосы, блеклые голубые глаза, бледное лицо и подвижный, нервный рот. Приятное лицо, но вряд ли бы вы легко узнали его, если бы, скажем, встретили Карлотту Адамс в другом платье.

Судя по всему, благосклонность и комплименты Сильвии доставляли ей удовольствие, в чем нет ничего удивительного, подумал я, и в этот самый момент произошло нечто, заставившее меня изменить свой поспешный вывод.

Карлотта Адамс посмотрела на сидевшую напротив Сильвию, которая отвернулась к Пуаро, и в ее бледно-голубых глазах появилось любопытное, оценивающее

выражение. Она внимательно изучала нашу хозяйку, и в то же время я отчетливо читал в ее взгляде враждебность.

Возможно, я ошибся. А может быть, в ней говорила профессиональная зависть. Сильвия была знаменитой актрисой, поднявшейся на самый верх. Карлотта же только начала взбираться по лестнице.

Рассмотрел я и трех других членов нашей компании. Мистер и миссис Уилдберн — что сказать о них? Он был высоким, мертвенно-бледным мужчиной; она — пухлой, экспансивной блондинкой. Они производили впечатление состоятельных людей, интересовавшихся всем, что касалось театра. Проще говоря, они не хотели говорить ни о чем другом. Поскольку я возвратился в Англию недавно, они не нашли во мне интересного собеседника, и в конце концов миссис Уилдберн предпочла забыть о моем существовании.

Последним был молодой человек с круглым, добродушным лицом, который вошел в ресторан с Карлоттой Адамс. У меня с самого начала возникли подозрения, что он не так трезв, как хотел бы казаться. Когда он начал пить шампанское, мои подозрения подтвердились.

Он определенно страдал от глубокого чувства вины. Все начало ужина он провел в скорбном молчании. Позднее он излил мне свою душу, явно принимая меня за своего старинного друга.

— Я хочу сказать, — говорил он, — что это не так. Не так, дорогой мой!

Оставляю в стороне некоторую нечленораздельность его речи.

— Я хочу сказать, — продолжал он, — я вас спрашиваю? Вот, например, девушка — прямо скажем — лезет не в свое дело. Все портит. Конечно, я ей ничего этого не говорил. Она не такая. Пуританские, знаете ли, родители... «Мэйфлауэр»... все такое. Да чего там — порядочная девушка! Но я хочу сказать... о чем я говорил?

— Что все непросто, — примирительно сказал я.

— Вы правы, непросто! Непросто! Чтобы здесь поужинать, я занял деньги у своего портного. Золотой человек! Сколько же я ему за эти годы задолжал! Нас с ним это сблизило. Нет ничего дороже истинной близости, правда, дорогой мой? Вы и я. Вы и я. А, собственно, кто вы такой?

22 — Моя фамилия Гастингс.

— Да что вы! Никогда бы не подумал. Я был уверен, что вас зовут Спенсер Джонс. Дружище Спенсер Джонс. Встретил его в «Итоне и Харроу» и занял пятерку. То есть насколько одно лицо похоже на другое — вот что я хочу сказать! Да если б мы были китайцами, мы бы вообще себя от других не отличали!

Он печально закивал головой, но потом приободрился и выпил еще шампанского.

— И все-таки, — заявил он, — я не негр какой-нибудь!

Эта истина так его обрадовала, что он переключился на более светлые мысли.

— Чаше думайте о хорошем, — принялся убеждать он меня. — Я всегда говорю: чаще думайте о хорошем. Со всем скоро, когда мне стукнет семьдесят или семьдесят пять, я буду богатым человеком. Когда умрет мой дядя. Тогда я смогу заплатить портному.

И на его лице заиграла счастливая улыбка.

Как это ни странно, мне он понравился. У него было круглое лицо и до смешного маленькие усы, как будто кто-то уронил каплю туши на большой лист бумаги.

Я заметил, что Карлотта Адамс поглядывает в его сторону, а когда он заулыбался, она поднялась и сказала, что ей пора.

— Как мило, что вы пришли, — сказала Сильвия. — Я обожаю все делать экспромтом, а вы?

— Боюсь, что нет, — ответила мисс Адамс, — я обычно все тщательно продумываю заранее. Это помогает избежать... ненужных волнений.

Что-то в ее тоне мне не понравилось.

— Результаты говорят в вашу пользу, — засмеялась Сильвия. — Давно не испытывала такого удовольствия, как на вашем сегодняшнем представлении.

Лицо мисс Адамс просветлело.

— Вы очень добры, — искренне произнесла она, — честно говоря, мне очень приятно слышать это от вас. Мне необходима поддержка. Она всем нам необходима.

— Карлотта, — произнес молодой человек с черными усами, — протяни тете Сильвии ручку, скажи спасибо, и пойдем.

Чеканный шаг, которым он двинулся к выходу, был

чудом его волевых усилий. Карлотта быстро пошла за ним.

— Что-что? — удивилась Сильвия. — Тут кто-то, кажется, назвал меня тетей Сильвией? Я его не успела рассмотреть.

— Дорогая, — вступила миссис Уилдберн, — не обращайтесь на него внимания. Какие надежды он подавал в Драматическом обществе, когда учился в Оксфорде! Сейчас в это трудно поверить. Тяжело видеть молодой талант загубленным! Но нам с Чарльзом тоже пора.

И чета Уилдбернов удалилась. Брайан Мартин ушел вместе с ними.

— Итак, мсье Пуаро?

Он улыбнулся ей.

— Et bien, леди Эджвер?

— Бога ради, не называйте меня этим именем! Я хочу его забыть! Вы, должно быть, самый черствый человек в Европе!

— Нет, напротив, я вовсе не черствый.

Пуаро тоже отдал дань шампанскому, даже чрезмерную, подумал я.

— Значит, вы поедете к моему мужу? И уговорите его сделать по-моему?

— Я к нему поеду, — осторожно пообещал Пуаро.

— А если он вам откажет — наверняка так и будет, — вы придумаете что-нибудь очень умное. Все считают вас самым умным человеком в Англии, мсье Пуаро.

— Значит, когда я черствый, мадам, вы упоминаете Европу. Но когда вы хотите похвалить мой ум, то говорите лишь об Англии.

— Если вы это провернете, я скажу о вселенной.

Пуаро протестующе поднял руку.

— Мадам, я ничего не обещаю. Я встречаюсь с вашим мужем в интересах психологии.

— Мне только приятно, что вы считаете его психом, но умоляю вас: заставьте его — ради меня! Мне так нужна эта новая любовь!

И она мечтательно добавила:

— Представьте только, какую она произведет сенсацию!

ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМ ЗУБОМ

Через несколько дней, когда мы сели завтракать, Пуаро протянул мне только что распечатанное письмо.

— Взгляните, друг мой, — сказал он. — Что вы об этом думаете? Письмо было от лорда Эджвера и в сухих официальных выражениях извещало, что Пуаро ждут завтра к одиннадцати часам.

Должен признаться, я был поражен. Я не принял всерьез обещания Пуаро, данного им в веселой и легкомысленной обстановке, и уж никак не предполагал, что он предпринимает для выполнения этого обещания какие-то конкретные шаги.

Мои мысли не были загадкой для Пуаро, обладающего редкой проницательностью, и его глаза засветились.

— Нет-нет, mon ami, это было не только шампанское.

— Я не это имел в виду...

— Нет-нет, вы думали про себя: бедный старичок, на него подействовала обстановка, он раздаст обещания, которых не выполнит — и не собирается выполнять. Но, друг мой, обещания Эркюля Пуаро священны!

И он гордо выпрямился, произнося последнюю фразу.

— Конечно, конечно, — поспешил сказать я. — Просто я думал, что вы согласились вследствие... э-э... определенного воздействия.

— Я делаю выводы вне всякой зависимости от того, что вы называете «воздействием», Гастингс. Ни самое лучшее и самое сухое шампанское, ни самая соблазнительная и златокудрая женщина не в состоянии воздействовать на выводы, к которым приходит Эркюль Пуаро. Нет, друг мой, мне стало интересно — вот и все.

— Вам интересен новый роман Сильвии Уилкинсон?

— Не совсем. Ее, как вы говорите, новый роман — явление очень заурядное. Он всего лишь ступень в успешной карьере очень красивой женщины. Если бы у герцога Мертонского не было ни титула, ни состояния, то его сходство с мечтательным монахом совершенно не волновало бы эту даму. Нет, Гастингс, меня интересует

психологическая основа. Внутренняя жизнь. Я с удовольствием рассмотрю лорда Эджвера вблизи.

— Неужели вы надеетесь выполнить ее поручение?

— *Pourquoi pas?*¹ У каждого есть уязвимое место. Психологический интерес вовсе не помешает мне исполнять возложенную на меня задачу. Я люблю упражнять свой ум.

Я было испугался, что сейчас последует монолог о маленьких серых клеточках, но, к счастью, этого не произошло.

— Итак, завтра в одиннадцать мы отправляемся на Риджентгейт, — сказал я.

— Мы? — Брови Пуаро удивленно поползли вверх.

— Пуаро! — вскричал я. — Неужели вы собираетесь туда один? А как же я?

— Если бы это было преступление, загадочный случай отравления, убийство — то, что обычно приводит вас в трепет... но улаживание спора?..

— Ни слова больше! — решительно заявил я. — Мы едем вместе.

Пуаро тихо рассмеялся, и в этот момент нам доложили о приходе посетителя.

Им, к нашему глубокому удивлению, оказался Брайан Мартин.

При дневном свете он выглядел старше. Он был по-прежнему красив, но красота эта несла на себе печать вырождения. У меня мелькнула мысль, не принимает ли он наркотики. В нем чувствовалось нервное напряжение, которое вполне могло подтвердить мою догадку.

— Доброе утро, мсье Пуаро, — жизнерадостно приветствовал он моего друга. — Я вижу, вы и капитан Гастингс не спешите с завтраком. Это замечательно. Но потом вы, наверное, будете очень заняты.

Пуаро дружески улыбнулся ему.

— Нет, — сказал он, — сейчас я практически ничем важным не занят.

— Оставьте! — засмеялся Брайан. — Скотленд-Ярд не спешит к вам за консультацией? А деликатные расследования для королевской семьи? Вы меня разыгрываете.

¹Почему бы нет? (фр.).

— Вы смешиваете реальность с вымыслом, мой друг, — улыбнулся Пуаро. — Уверяю вас, в данный момент я безработный, хотя в пособии пока не нуждаюсь. Dieu merci.

— Значит, мне везет, — снова рассмеялся Брайан. — Может быть, вы согласитесь сделать кое-что для меня.

Пуаро пытливо взглянул на него.

— У вас затруднения? — спросил он после недолгого молчания.

— Не знаю, что вам ответить. И да и нет.

На сей раз смех у него получился довольно принужденный. Продолжая внимательно на него смотреть, Пуаро указал на стул. Молодой человек сел. Он очутился напротив нас, поскольку я занял место рядом с Пуаро.

— А теперь, — сказал Пуаро, — нам бы хотелось услышать, что вас тревожит.

Но Брайан Мартин по-прежнему медлил.

— Беда в том, что я не могу рассказать все, что следовало бы. — Он поколебался. — Это нелегко. Все началось в Америке.

— В Америке? Вот как?

— Я случайно заметил. Ехал в поезде и обратил внимание на одного человека. Некрасивый, маленького роста, в очках, бритый и с золотым зубом.

— О! С золотым зубом!

— Совершенно верно. В этом вся соль.

Пуаро закивал головой.

— Я начинаю понимать. Продолжайте.

— Вот. Я его заметил. Ехал я, кстати, в Нью-Йорк. Через полгода я оказался в Лос-Анджелесе, и там он снова попался мне на глаза. Не знаю почему, но я его узнал. Однако ничего особенного в этом не было.

— Продолжайте.

— Месяцем позже мне понадобилось съездить в Сиэтл, и не успел я там выйти из вагона, как опять наткнулся на него, только теперь у него была борода.

— Это становится любопытным.

— Правда? Конечно, я тогда не думал, что это имеет какое-то отношение ко мне, но когда я снова встретил его в Лос-Анджелесе без бороды, в Чикаго с усами и другими бровями и в горной деревушке, одетого бродягой, — тут уж я удивился.

— Естественно.

— И в конце концов... конечно, трудно было в это поверить, но и сомневаться тоже было трудно... я догадался, что за мной следят.

— Поразительно.

— Правда? Тогда я решил в этом убедиться. И точно — где бы я ни был, всегда поблизости болтался этот человек, в разных обличиях. К счастью, я всегда мог узнать его из-за зуба.

— Да, золотой зуб пришелся очень кстати.

— Вот именно.

— Простите, мистер Мартин, но вы когда-нибудь говорили с этим человеком? Спрашивали, почему он вас так настойчиво преследует?

— Нет. — Актер заколебался. — Раз или два я хотел к нему подойти, но потом передумал. Мне казалось, что я его просто спугну и ничего не добьюсь. И если бы они узнали, что я его заметил, то пустили бы по моему следу другого человека, которого мне труднее было бы распознать.

— En effet¹ — кого-нибудь без этого ценного золотого зуба.

— Совершенно верно. Возможно, я ошибался, но так уж я решил.

— Мистер Мартин, вы только что сказали «они». Кого вы имеете в виду?

— Никого конкретно. Наверное, я не совсем удачно выразился. Но не исключено, что какие-то загадочные «они» действительно существуют.

— У вас есть основания так полагать?

— Нет.

— Вы хотите сказать, что не представляете себе, кто и с какой целью считает нужным вас преследовать?

— Нет. Впрочем...

— Continuez², — подбодрил его Пуаро.

— У меня есть одна идея. Но это всего лишь предположение...

— Предположения могут быть весьма полезны, мсье.

— Оно связано с происшествием, случившимся в Лондоне два года назад. Достаточно заурядным, но не-

¹ То есть (фр.)

² Продолжайте (фр.)

28 объяснимым и хорошо мне памятным. Я много размышлял о нем, и поскольку так и не смог найти ему объяснения, то подумал, что, может быть, эта слежка связана с ним — хотя понятия не имею, как и почему.

— Возможно, мне удастся это понять?

— Да, но, видите ли... — Брайан Мартин вновь заколебался, — дело в том, что я не могу вам всего рассказать сейчас — разве что через день или два.

Понуждаемый к дальнейшим объяснениям вопросительным взглядом Пуаро, он выпалил:

— Понимаете, это связано с некой девушкой.

— Ah! Parfaitement!¹ Англичанкой?

— Да... Как вы догадались?

— Очень просто. Вы не можете рассказать мне всего сейчас, но надеетесь сделать это через день или два. Это означает, что вы хотите заручиться согласием молодой особы. Стало быть, она в Англии. Кроме того, она определенно находилась в Англии в то время, когда за вами следили, потому что, если бы она была в Америке, вы бы обратились к ней тогда же. Следовательно, если последние полтора года она находится в Англии, она скорее всего англичанка. Логично, не правда ли?

— Вполне. А теперь скажите, мсье Пуаро, если я получу ее разрешение, вы займетесь этим делом?

Воцарилось молчание. По всей вероятности, Пуаро мысленно принимал решение. Наконец он произнес:

— Почему вы пришли ко мне прежде, чем переговори с ней?

— Я подумал... — Он замялся. — Я хотел убедить ее, что... нужно все выяснить... и чтобы это сделали вы. Ведь если этим делом займетесь вы, то никто ничего не узнает?..

— Как получится, — спокойно ответил Пуаро.

— Что вы имеете в виду?

— Если это связано с преступлением...

— Нет-нет, уверяю вас...

— Вряд ли вы можете быть уверены. Вы можете просто не знать.

— Но вы займетесь этим — для нас?

— Разумеется. — Он помолчал еще и спросил: — Ска-

¹А, прекрасно! (*фр.*)

жите, а этот человек, который за вами следил... сколько ему лет?

— О, совсем немного. Не больше тридцати.

— Вот как! — воскликнул Пуаро. — Потрясающе! Все гораздо интереснее, чем я предполагал!

Я в недоумении посмотрел на него. Брайан Мартин тоже. Боюсь, что мы оба ничего не поняли. Брайан перевел взгляд на меня и вопросительно поднял брови. Я покачал головой.

— Да, — пробормотал Пуаро, — все гораздо интереснее.

— Может быть, он и постарше, — неуверенно сказал Брайан, — но мне показалось...

— Нет-нет, я уверен, что ваше наблюдение верно, мистер Мартин. Очень интересно. Чрезвычайно интересно.

Обескураженный загадочными высказываниями Пуаро, Брайан Мартин замолчал, не зная, как ему вести себя дальше, и решил, что лучше всего будет перевести разговор на другое.

— Забавный вчера получился ужин, — начал он. — Сильвия Уилкинсон, должно быть, самая деспотичная женщина на свете.

— Она очень целенаправленна, — сказал Пуаро, — и ничего не видит, кроме своей цели.

— Что вовсе не мешает ей жить, — подхватил Брайан. — Не понимаю, как ей все сходит с рук.

— Красивой женщине многое сходит с рук, — заметил Пуаро, и глаза его блеснули. — Вот если бы у нее был пороссячий нос, дряблая кожа и тусклые волосы — тогда бы ей пришлось гораздо хуже.

— Вы, конечно, правы, — согласился Брайан, — но иногда меня это приводит в бешенство. При том, что я ничего не имею против Сильвии. Хотя и уверен, что у нее не все дома.

— А по-моему, она в полном порядке.

— Я не совсем это имел в виду. Свои интересы она отстаивать умеет, и в делах ее тоже не проведешь. Я говорил с точки зрения нравственности.

— Ах, нравственности!

— Она в полном смысле слова безнравственна. Добро и зло для нее не существуют.

— Да, я помню, вы что-то похожее говорили вчера.

— Вы только что сказали: преступление.

— Да, мой друг?

— Так вот, я бы ничуть не удивился, если бы Сильвия пошла на преступление.

— А ведь вы хорошо ее знаете, — задумчиво пробормотал Пуаро. — Вы много снимались вместе, не так ли?

— Да. Я, можно сказать, знаю ее как облупленную и уверен, что она может убить, глазом не моргнув.

— Она, наверное, вспыльчива?

— Наоборот. Ее ничем не прошибешь. И если бы кто-то стал ей мешать, она бы его ликвидировала без всякой злости. И обвинять ее не в чем — с точки зрения нравственности. Просто она решила бы, что человек, мешающий Сильвии Уилкинсон, должен исчезнуть.

Последние слова он произнес с горечью, которой прежде не было. Интересно, о чем он вспоминает, подумал я.

— Вы считаете, что она способна на убийство?

Пуаро не спускал с него взгляда.

Брайан глубоко вздохнул.

— Уверен, что да. Может быть, вы вспомните мои слова, и очень скоро... Понимаете, я ее *знаю*. Ей убить — все равно что чай утром выпить. **Я в этом не сомневаюсь, мсье Пуаро.**

— Вижу, — тихо сказал Пуаро.

Брайан поднялся со стула.

— Я ее знаю, — повторил он, — как облупленную.

Минуту он постоял, хмурясь, затем продолжил совсем другим тоном:

— Что касается дела, о котором мы говорили, мсье Пуаро, то я с вами свяжусь через несколько дней. Вы возьметесь за него?

Пуаро несколько мгновений молча смотрел на своего посетителя.

— Возьмусь, — произнес он наконец. — Оно кажется мне... интересным.

Последнее слово он произнес как-то странно.

Я спустился с Брайаном Мартином вниз. На пороге он спросил:

— Вы поняли, почему вашему другу было интересно, сколько тому человеку лет? Я имею в виду, что интересного в том, что ему тридцать? Я не понял.

Содержание

СМЕРТЬ ЛОРДА ЭДЖВЕРА. Роман. <i>(Перевод А. Бураковской)</i>	5
УБИЙСТВО В МЕСОПОТАМИИ. Роман. <i>(Перевод А. Девеля и Л. Девель)</i>	205